

ФИЛОСОФИЯ

УДК 2-78

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПРИЗНАКИ, КЛАССИФИКАЦИИ И ПРИЧИНЫ

В. И. Красиков

*Статья подготовлена
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научно-исследовательского
проекта Кузбасс – РФФИ
№ 07-06-96006-р_урал_a*

Многие страны мира к настоящему времени уже пережили опыт знакомства с так называемыми «новыми религиями». Старт этому процессу был дан, как известно, в послевоенной Японии и в США в 60-70 гг. XX столетия. Подобные события индицируют как кризис традиционных конфессий, так и новый виток религиозного негиза.

Попытаемся рассмотреть основные, общие и отличительные признаки современных нетрадиционных религиозных объединений, появившихся в последние 30-40 лет и характеризующиеся явственной либо имплицитной экстремистичностью. Последняя обусловлена как внешними факторами – неблагоприятным давлением нормализованной религиозной среды, преследованиями со стороны традиционных конфессий, так и, в большей степени, внутренними факторами собственного развития – конфронтацией как способом самоидентификации и самоутверждения.

Сначала рассмотрим, что же объединяет. А объединяет очень многое, делая НРО (новые религиозные объединения – далее по тексту эта аббревиатура) типичными социальными явлениями второй половины XX в. Прежде всего, это сходное в возникновении и последовательностях развития. *Большинство современных «религиозных проектов» носит явно выраженный личностно-авторский характер*, что подтверждает веберовскую точку зрения о решающей роли харизматика в религиозном негизе, чья особая душевность и дает основополагающую форму новой религии. Группа учеников и последователей сплачивается вокруг харизматического лидера, имеющего свое специфическое видение мира, подтвержденное преимущественно личным мистическим опытом. Сама же группа обрастает формальными связями, формирует свою социальную структуру и систему обучения [1].

Вызревание предпосылок религиозного бума второй половины XX в. происходило в так называемой «богоискательской» среде религиозно и мистически настроенной интеллигенции, где религиозный негиз носил эзотерический и экзотический характер причудливых малочисленных и безбидных «кружков по интересам». Однако настоящий звездный час религиозного негиза начинается с его соединением с контркультурой. Еще битники активно интересовались восточными религиями, особенно дзеном. Первые гуру на Западе и подвизались на этом ориенталистском интересе, который приобрел эпидемический

характер после его «рекламы» «The Beatles» (их контакты с Махариши в 1967 г. [2, 410]. Массовое участие в культах неконформистски настроенной молодежи сообщило им еще более ярко выраженный конфронтационный и негативистский настрой по отношению к нормализованной религиозности и господствующим церквям.

Все проходит, проходит и это. Взрослеют молодые адепты НРО и сами объединения переходят в стадию умиротворения и нормализации: происходит отказ от радикальности исходных тезисов, они смягчаются до общеприемлемых, происходит и их юридическая легализация, находятся и формы обеспечения социальной толерантности. НРО стремятся уже к добропорядочности, религиозной респектабельности, претендуют уже и на культурформирующую роль [3].

Вместе с тем наиболее радикальные из НРО оказываются неспособными к умиротворению, фаза прозелитизма (рост числа рядов, популярности, совпадающие с расцветом творческих религиозных способностей личности основателя-харизматика) сменяется у них фазой апокалипсической, когда поведение и взгляды членов группы резко экстремализуются, связанные, по-видимому, с глубоким разочарованием либо основателя, либо «ядра» секты в своих перспективах [4, 95 – 100]. Так возникают печально известные религиозные эксцессы массовых суицидов («Народный храм» Дж. Джексона в Гайане, «Золотой храм» в Западной Европе, «Аум Сенрикё» в Японии, «Белое братство» в СССР и т. п.).

Другой общий признак – *использование одинаковых социальных техник*. «Культы приобретают все больше и больше сторонников, – ревниво и сокрушенно отмечают протестантские авторы, – благодаря применению методов обращения в веру, сходных с христианской евангелизацией» (курсив мой. – В. К.) [5, 11]. Эти методы, ставшие «архетипичными» еще во времена Будды и Христа, столь же действенны и в наши дни: страстножающая природа человека неизменна, как и постоянен и антропологический раскол на «слабых» и «сильных». Подобные методы наиболее полно и систематично представлены, похоже, в модели Маргарет Т. Сингер [6, 432-435], в которой выделяются две их группы:

- по завоеванию контроля над сознанием;
- по удержанию контроля.

Вопрос о том, насколько умышленно используются эти методы самими руководителями НРО, лидерами-харизматиками – вопрос, не имеющий каких-то однозначных ответов. Логика конфронтации, обороны во враждебных условиях, дихотомичное (черно-белое) мышление обуславливают эти жизненные формы, представляющиеся нам «ко-

варными», «иезуитскими», в качестве единственно возможных стратегий выживания.

Достижение контроля осуществляется в общем смысле через разрушение имеющейся «социально-естественной» личности и привитие новой, уже религиозной идентичности в новой среде обитания.

Чтобы разрушить личность, надо ее сначала завлечь (обольстить), дать то, чего она заведомо лишена в нормальной социальной жизни: сверхзначимость, признанную окружением. Обольщение есть предложение того, что заведомо не может дать ни окружающая повседневность, ни традиционные конфессии. Это может быть что-то очень уж мудрое и крайне многообещающе звучащее. К примеру, вот что предлагает «Храм Шеол»: «Медитация каналов Ида-Пингала, Нити Жизненности. Проращивание каналов: Сутумна, Дуй-Май, Жень-Май, Ида и Питала в свободное астральное пространство. Перенос плана судьбы по каналам жизненности. Привязанный двойник. Создание астральной сущности через пентаграмму». Или же, можно и попроще: «21 жизнь в счастье и блаженстве в Золотом и Серебряном веках» («Брахма Кумарис»), либо: «Я сделаю моих приверженцев богами и моих последователей великими святыми» (Саркар из культа «Ананда Марга») [6, 205, 253, 232].

Здесь примечательны (своим цинизмом) две методики:

- «бомбежка любовью» или сверхназойливость, с которой вербуемого пытаются убедить в том, что он нечто особенное и все ждали именно его (комплекс «Нео», совсем как по фильмам «Матрица»);
- процедура «сэндвич» – обращаемый постоянно находится в окружении двух приставленных опытных адептов, которые с рвением общаются с ним (бомбят).

Обязательно кардинальное изменение физического состояния с помощью вегетарианского аскетизма (различного рода «диеты»), лишение нормального сна, загрузка работой, жизнь на виду остальных членов секты [7, 102-103]. Обязательна информационная изоляция и, что главное, разрушение кровнородственных связей. Родители и возлюбленные – основные объекты атак, начиная со знаменитых Иисусовых требований ненависти к родителям и семье: «Если кто придет ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лк. 14.26). Новые мессии не отстают от «основоположников»: большинство сект используют данный метод «христианской евангелизации», в том числе и ориенталистские секты. «Для удовлетворения Господа гонится все, потому что это связано с Абсолютной Истиной. Нам также представилась возможность обмануть членов нашей семьи и оставить дом, чтобы заняться служением «Шримад Бхагаватам». Этот обман был необходим во имя великого дела, и от такого трансцендентального мошенничества не проигрывает ни одна сторона», гл. 13, комм. к тексту 37 «Шримад Бхагавата» (песнь 1, часть 1.2) [6, 279].

Некоторые лидеры в отрицании человеческого естества доходят до логического предела его метафизации. И хотя все же «рекорд» скопчества («убеление», физическое калечение половых органов) остается непревзойденным, эксплуатация сублимации остается вернейшим средством религиозной интенсификации. Проще говоря, если застрашать, отвести человека от реализации эволюционно-жизнеобразующего мотива (прежде всего мужчин как традиционно активной части), то нереализованная, переключенная энергия многократно усилит религиозный пыл и преданность лидеру как объекту переключения, заместителю всех естественных связей и влечений. Отсюда атака на сексуальность и «солнце» ее системы – женщину, которая оказывается (почти в духе О. Вейнингера) метафизическим орудием дьявола, который «прогрыз в тонком теле Евы дыру между ног, осрамил ее и внедрил в ее плоть, создав там свой престол, сделав «гениталии центром личности Евы». Подобные, органичные для библейской традиции, женоненавистнические интенции воспроизводит один из идеологов «богородичников» архимандрит П. Краснов [6, 333], что свидетельствует, похоже, о его серьезных психологических проблемах. Известно, что подобные клише – общий лейтмотив серийных сексуальных убийц, борющихся с мировым злом в образе женщин, на деле же через преступные сублимации удовлетворяя свои порочные страсти.

Ударами по естеству (родители, сексуальность) достигается не только изоляция, что само по себе важно, но и состояния страха и виновности: все мосты сожжены и назад дороги нет.

Дезориентация, ослабление и обольщение, которые используются и осознаются сектантами и культистами как спасение заблудших, служение, подвижничество приводят новообращаемого в большинстве случаев к сознательной капитуляции, состоянию «бхакти» – радостного подчинения. Это и является условием формирования новой идентичности и нового, экстремального по своей сути, мировоззрения. Какое бы оно ни было по вариациям, общие его признаки следующие:

- моноидеизм (одна идея, одна доктрина, одна истина), выраженный на своем особом языке («новоязе» – системе слов и значений, подстроенных под идею);
- запрет на критическое отношение и высказывания, реализуемый через отупение, «остановки мышления» (медитации, скандирование, заунывное пение) и т. п.;
- дуализм (добро – зло, черное – белое, мы – они).

Сформированная новая личность поддерживается, сохраняется, укрепляется общим жизненным стилем группы, ее целями, поклонением лидеру, который создает системы контроля над поведением: регулирование индивидуальных физических реальностей (кто, где и с кем живет, какую одежду и прически носит, какую пищу ест, сколько позволяется спать и т. п.) и регулярное поддержание необходимой интенсивности индоктринации (ежеднев-

но с 4 часов утра 1728 мантр-молитв должен произвести кришнаит и 2100 – богородичник) [6, 17].

Кто же они, современные «ловцы человек»? Помимо того, что они воспроизводят собой древние архетипы религиозной психологии и древние технологии евангелизации (и западной, и восточной), – это все же наши современники и действуют в современной чрезвычайно диверсифицированной среде с разными образовательными и интеллектуальными стандартами. Это обуславливает большое разнообразие новых религиозных объединений, которое следует все же как-то упорядочить – для создания единой, представимой картины.

Классификации НРО многочисленны, но большинство из них страдают, на наш взгляд, серьезными методологическими недостатками, главные из которых два: монокритериальность и использование старых шаблонов в понимании религиозности (исследовательские шаблоны, возникшие при анализе классического религиогенеза древности). Монокритериальность проявляется в том, что в качестве основания анализа используется традиционно-конфессиональный определитель, т. е. отталкиваются от, опять-таки, «базовых» религий, типа «псевдохристианские», «псевдоисламские», «ориенталистские» или «неоязыческие», т. е. упор делается на историко-культурные признаки [6, 73-74, 76, 80; 7, 25].

Другой популярный критерий, полагаемый в качестве фундаментального – так называемый «вероучебный»: чему учат, как представляют себе мир, человека, личность основателя и т. п. [6, 81-82]. Подобный критерий вообще не может быть эффективным в силу теоретической и ценностной несоизмеримости разных учений и в силу своей скрытой ангажированности. Если о достоинствах и недостатках теории говорит представитель определенной конфессии, то заведомо ясно, что у него будет масштаб истины: лишь собственные догматы. Любопытна классификация А. Л. Дворкина, разделяющего НРО на гностические и катарские: первые дают открывающее знание, вторые – обещают спасение [6, 82-87].

Главный же методологический недостаток в интерпретации НРО – отношение к ним скорее как к либо «мутации», либо издержкам адаптации все тех же базовых религиозных форм (библейского, либо индуистского циклов, двух архетипическо-религиозных народов). В классификации же необходимо исходить из того основания, что современные события в религиозной жизни последних 50 лет – начало нового витка религиогенеза, определяемого складывающимися новыми цивилизационными реалиями. Его основной, новой качественной чертой можно признать своеобразное религиозное выражение (опережение, предвосхищение) радикализации человекобожеских интенций в человеческом развитии, чувства кануна антропологической революции. Помимо традиционного апокалипсического настроений, свойственных обновленческим версиям традиционных религий и периодическим историческим переживаниям (к примеру, смены тысячелетий), возникают прямо перфекционистские (улучшающие

природу человека) и даже революционно-антропологические религиозные мотивации.

Современный религиозный кризис означает закономерное появление наряду с традиционной религиозностью ее новых, демократических форм – как одного из частных дел известной части общества. Многообразие новой религиозности адекватно углублению культурной и ментальной дифференциации современных обществ. Происходящее обусловлено, как и всегда, двумя комплексами причин: вечным и актуальным.

Человечество вновь и вновь, в каждом поколении проходит детство, формирующуюся «мифологическую» стадию. Детское, экспансивное, синтетичное и синтезирующее мышление – вовсе не синоним «примитивности», начало есть, вполне по Гегелю, и цель. Показательно, что его общие гносеологические особенности, такие как принцип множественности, ощущение тайной связи всех элементов бытия, склонности к многозначности, свобода от моральной поляризации мира, скорее, поэтический способ познания мира – все это как нельзя лучше характеризует и современные, развитые в интеллектуально-рефлексивном отношении умы и хорошо коррелирует с идеалом понимания мира в постмодернизме.

Иррационализм – это не столько недостаток рационализма, сколько, возможно, его переизбыток – в виде выхода за свои пределы в виде рефлексии. Поэтому можно сказать, что наивный детский иррационализм и рационалистический иррационализм постмодернизма смыкаются как «начало и результат».

Человеческая страстная, желающая натура просто требует иррационального дополнения рациональной действительности, чуда и случая – к повседневности и закону: украсить, смягчить мир, наполнить его теплом и светом. Миф и его оторефлексированные формы (религиозность) «вытягивает мистический «нерв» из очевидной обыденности, создает чудо, особую реальность, радость необычного.

Эти-то имманентные настроения нашего разума и фундируют так называемые «абсолютные ценности», которые, в силу своего первородного иррационализма, просто не в состоянии быть производимы утилитарным интеллектом. Это исконное, первобытное в нас, генерируемое каждый раз в индивидуальной детской структуре мозга-психики «первобытных людей сегодняшнего или вчерашнего дня» (А. Бергсон).

«То, что было первобытным, – пронизательно отмечает А. Бергсон, – не перестает им быть, хотя, чтобы его обнаружить, необходимо усилие, направленное на внутреннее самоуглубление». Это первобытное проявляется каждый раз в «преувеличении и обострении моментов иррационального в элементарных, достаточно естественных тенденциях» [8, 146, 144]. Таким образом, детство и детское в нас создают общую моральную экспозицию нашей жизни (абсолютные ценности, надежда) и ее специфическую аранжировку – религиозность.

Теперь об актуальной причине или о тех особенностях современного глобализующегося обще-

ства, которые порождают невиданно радикальные сдвиги в самих человеческих основах, в том числе и религиозных.

Индустриальный, чисто хозяйственно-экономический период развития (XVIII – первая половина XX вв.), или так называемый «модерн», похоже, уже прошел. Его назначение и итог – рыночно-экономическое объединение большинства территорий планеты, завершившееся, по-видимому, необходимыми, глобальными аккордами насилия двух мировых войн. Так, собственно, и было создано (самосформировано) современное «мировое сообщество», «мир-система». Ясно, что до цельности еще далеко, единство иерархизовано в виде резко отличных уровней «центра», «периферий», «полупериферий», каждый из которых, в свою очередь, имеет свои дробящиеся градации.

Однако важно, что единство все же есть, прогрессирует и порождает глобальные радикальные эффекты, к которым относятся и новые универсальные религии. Новая фаза единения в постиндустриальном обществе стала возможной благодаря интенсификации развития коммуникационных и научных технологий. Объединенный «железом (индустриализацией, вывозом товаров и капиталов) и кровью» (двумя мировыми войнами) мир, новое качество человеческой ойкумены, стал генерировать новые центристские и разгоняющие силы. Революция в ряде наук второй половины XX в. приводит к невиданному ускорению темпов технологического и информационного обновления, к созданию условий, когда ранее существовавшие социо- и микрообразующие фундаментальные различия между поколениями и полами утрачивают свою серьезность. Зрелое поколение доминировало благодаря своим накопленным знаниям, которые, в условиях современной, постоянно и резко меняющейся технологической и информационной обстановки, стали девальвироваться в течение кратчайших промежутков времени, а превосходство мужчин в силе и агрессии также утрачивает свою ценность.

Но все же более серьезное влияние на создание современного качества «мира-системы» оказало развитие мультимедийных средств массовой информации, заложивших основы новой традиции действительной мировой синхронности событийных рядов, согласованности усилий. Именно эти синхронизации мирового коммуникативного пространства (интернациональные корпорации телевидения, прессы, музыкальной и кино- видео индустрий) сделали возможными молодежную и феминистскую революции. Все это происходит в контексте повсеместного роста среднего образовательного уровня и появления «новых масс», с одной стороны, и стремительного набора новых знаний до предела насыщенности ими, обесценивания, релятивизации старых, дезориентации, страха перед неизвестностью непредсказуемого будущего – с другой. Подобная обстановка и является подоплекой современного кризиса традиционных религий и особенностей новых форм актуализации извечной религиозной потребности.

Традиционные религии просто не в силах пока приспособиться к изменившейся пастве, современным условиям. Их природа, их «исполнение» другое. О чем идет речь?

Современная человеческая среда задающих тон мировому развитию западных обществ амбивалентна. Она, одновременно, сильно диверсифицирована по своим жизненным стилям, ценностям, но и толерантна, что и есть, собственно, демократия или универсум на демократических основаниях. Традиционные основы мировых религий – религии господства и подчинения, их универсализм гегемонистского характера, каток, который сравнивал, нивелировал различия в одно гомогенное содержание. «В библейской религии, – отмечает К. Ясперс, – ...заложено притязание на исключительность, которое выступает во всех ее ответвлениях». Здесь «воля к власти становится основным фактором этой религиозной действительности ... Притязание на мировое господство – следствие притязания на исключительность» [9, 462, 465]. Прямо и искренне (незатейливо) говорит о том же исламский фундаменталист Сейид Кутб: «Отличительными чертами этой религии (ислама – В. К.) являлись универсальность, реализм и господство» [10, 5].

В свое время это работало на объединение человечества, его глобализацию «железом и кровью» или же «крестом и верой». Однако современный «мир-система» унифицируется на основе только синхронизаций экономических интересов и взаимной терпимости, все остальное отдано разнообразию. И большинству людей это нравится. Христианство и ислам пытаются, часто даже с успехом, приспособиться к новой человеческой среде, выпячивая свою «толерантную сторону». Может быть, это приведет, в конце концов, к постепенному коренному перерождению исходной нетерпимости – яркий пример чему деятельность Римского Папы Иоанна Павла II. Однако пока это не совсем удается в целом – слишком эти структуры консервативны и традиционалистские по своей природе.

Важнее другая причина кризиса традиционных религий – это *отсутствие живых форм актуальной религиозной коммуникации с Богом*: нет пророков и спасителей. Живые, пророческие и мессианские религии, каковыми были при своем появлении христианство и ислам, давно сменили свою темпоральную ориентацию с «настоящего – ближнего будущего» на старчество жизни только в прошлом. Основатели этих великих религий, в отличие от восточной традиции, абсолютизировали уникальную прецедентность, исключительный характер боговоплощения, по существу, монополизировав его, справедливо опасаясь последующих конкурентов. К тому же консерватизм, гегемонизм и исключительность хорошо гармонизировали с реалиями традиционных обществ и поддерживали их иерархическую стабильность.

Сегодняшние небывалые события (мировые войны, апокалипсические диктатуры, научно-технические чудеса), сосуществование множества отличных друг от друга ценностных сред требуют

внятного объяснения, указующего и ободряющего совета. И не от «просто людей».

«А что же стало с Богом?» – спрашивает Н. Луман и отвечает: параллельно общественному развитию фигура «коммуникации с Богом или посредством Бога» непрерывно теряет свою мощь, и ныне коммуникация с Богом представляет собой всего лишь исторический, текстуально постигаемый факт, а именно – как откровение, свершившееся раз и навсегда. И можно лишь догадываться о том, какое значение придает религия (здесь вполне очевидно, что Н. Луман имеет в виду именно традиционные религии. – В. К.) этой фигуре, пренебрегая собственной способностью к адаптации и не видя, с другой стороны, возможности попросить Господа прокомментировать современность» [11, 168-169]. И «по мере того, как секуляризация развивается, и религия становится все более личным делом, либерально настроенные церкви и обосновывающие их деятельность интеллектуалы утрачивают способность адекватно действовать в сфере специфически религиозного предложения» [12, 968].

Но как говорит русская пословица: «Свято место пусто не бывает». У новых религиозных объединений есть то, что давно запретили и преследовали ставшие «традиционными» ранее живые и харизматические религии – живое откровение и наставление.

Наконец, еще одна причина современного кризиса традиционных религий – это *распыление идентичности*. То, что в свое время произошло с философией, когда все, чем она занималась, было «растасчено» ее «детьми» – новыми науками, специальными дисциплинами, случилось в течение XX в. и с традиционными религиями. Это явление в отношении обретения психоанализом почти религиозных черт описал в 50-х гг. прошлого столетия К. Леви-Строс. Соответственно к психоанализу во многом отходит психотерапевтическая функция религии. Как известно, ранее каждый более или менее состоятельный человек имел духовника, а в наши дни большинство в западном обществе имеют «своего» психоаналитика, а мировое психоаналитическое движение имеет свои «конгрегации» (по направлениям «отцов-основателей») и многочисленные «духовные семинарии».

Целительские функции религии в отношении общего физического и душевного здоровья, образа жизни переходят многочисленным объединениям, центрам здоровья, восточной и западной народной медицине, приобретающими тут же псевдорелигиозные черты. Оздоровливание, оказывается, тоже сопряжено с практически религиозными страстями.

И даже исконную функцию общения со сверхъестественным, ранее отнятую религиями у «любителей» (колдунов, магов, гадалок и пр.) и монополизированную ими, пытаются отобрать многочисленные, светские в целом, оккультные, мистические и даже сциентистско-религиозные (!) объединения.

Итак, подытожим. Недавний всплеск религиозного генеза показывает:

– традиционные религии мало адекватны современным состояниям человеческой души и общества в их радикально-индивидуалистских ценностных формах. Вместе с тем «мысли мертвых крепко держат умы живых» – именно проявлением прежних тоталитарных религиозных схем в деятельности современных харизматиков (методы евангелизации, синдром исключительности) можно объяснить известные эксцессы в НРО аскетического направления;

– актуализация религиозной потребности – дело каждый раз «живое», требующее, хотим мы этого или нет, опыта непосредственного общения религиозных харизматиков и части людей, алкающих веры в ее истовой форме. Западная религиозная традиция в ее догматизированных и тоталитарных формах, в отличие от восточной, существенно ограничила легальность и диапазон теофаний в своих рядах, получив в итоге конкурентоспособных соперников в виде НРО;

– основная причина религиозного экстремизма видится все же в подавлении со стороны традиционных конфессий. Они же, как обладающие монополией на религиозную сертификацию эксперты, имеющие влиятельное лобби среди интеллектуалов и в средствах массовой информации, организуют враждебное отношение к НРО, подоплекой которого являются сугубо чувства ревности, зависти и конкуренции. Именно враждебное отношение чрезмерно радикализует естественные явления самоидентифицирующего противопоставления НРО (мы – они) и провоцирует складывание конфронтационного настроения;

– религиозный радикализм (не экстремизм) – имманентная, живая, напряженная фаза развития религии, постоянно идущих процессов религиозного генеза, которые особенно усиливаются во времена серьезных антропологических, цивилизационных сдвигов. Они – не ошибки, недочеты, вывихи, а неизбежное явление человеческой природы. Надо научиться их понимать и принимать, сосуществовать с ними, разумно ограничивать, цивилизовывать – раз есть и постоянно появляется соответствующая часть людей, не «лихоимцев и обманщиков и их доверчивых жертв», а людей с более чувствительной, реактивной религиозной психологией, с обостренной потребностью в «живом» религиозном опыте. Только толерантность и понимание способны нормализовать НРО, органично перевести их в фазу умиротворения и конструктивного сосуществования в контексте плюралистичной среды. Поощрение рассудочных и талантливых лидеров может принести много положительного в виде благотворительности, волонтерства, миротворчества и т. п. Нагнетание враждебности, по сути дела, провоцирует дестабилизацию и так не особо стабильных психологических структур НРО и возможности «апокалипсического» направления в их развитии, породившие всем хорошо известные трагические инциденты.

Литература

1. Сафронов, А. Г. Религиозная мобильность / А. Г. Сафронов. – <http://www.countries.ru/library/religio/relnob.htm>.
2. Вандерхилл, Э. Мистики XX века. Энциклопедия / Э. Вандерхилл. – М.: Локид, 2000. – 518 с.
3. Балагушкин, Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. Раздел 1. Теоретические проблемы исследования нетрадиционных религий / Е. Г. Балагушкин. – <http://www.philosophy.ru/iphras/library/bal/02.html> – Разд.1.
4. Крамер, Дж. Маски авторитарности: очерки о гурзу / Дж. Крамер, Д. Олстед. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 408 с.
5. Макдауэлл, Дж. Обманщики / Дж. Макдауэлл, Д. Стюарт. – М.: Протестант, 1993. – 224 с.
6. Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера: справочник / Миссионерский отдел Московского Патриархата Русской православной церкви // Информационно-аналитический вестник № 1. Издание третье, дополненное. – Белгород, 2002. – 446 с.
7. Неокульты: «новые религии века»? – Минск: Четыре четверти, 2000. – 240 с.
8. Бергсон, А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
9. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политическая литература, 1991. – 527 с.
10. Сейид, Кутб. Будущее принадлежит исламу / Кутб Сейид. – М.: Сантлада, 1993.
11. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
12. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.